ВЕДЕТСЯ ИССЛЕДОВАНИЕ

Е.Е. Замыслова, аспирантка кафедры истории русской литературы и журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: elyzavetazamyslova@yandex.ru

Н.В. ГОГОЛЬ О ШЛЕЦЕРЕ (СТАТЬЯ «ШЛЕЦЕР, МИЛЛЕР И ГЕРДЕР») В КОНТЕКСТЕ ЖУРНАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ 1810—1830-Х ГОДОВ

Автор анализирует исторические взгляды и особенности творческой манеры Н. В. Гоголя при создании образа Шлецера в статье «Шлецер, Миллер и Гердер», опубликованной в 1835 году в сборнике «Арабески». Высказывания Гоголя о знаменитом немецком историке конца XVIII — начала XIX века рассматриваются парно с анализом материалов о нем в отечественной периодике 1810—1830-х гг., что позволяет уточнить уровень и характер влияния отечественной периодики на Гоголя — историка и публициста, значимость его публикации о Шлецере.

Ключевые слова: *Н.В. Гоголь, А.Л. Шлецер, М.П. Погодин, В.А. Жуковский, «Арабески», «Московский вестник», «Вестник Европы», «Московский телеграф», всеобщая история.*

Author has analyzed the Gogol's historical views and the features of the creative style which were inherent to him during of creation of an image of Schlosser in the article "Schlosser, Miller and Herder", published in 1835 in the collection "Arabesque". Gogol's position relative to that famous German historian of the late XVIII — early XIX century are discussed in the context of materials about him in the national periodicals of 1810—1830's. This providing an opportunity to specify the grade of influence of national periodicals on Gogol — historian and publicist, the significance of his publication about Schlosser.

Key words: *N.V. Gogol, A.L. Schlosser, M.P. Pogodin, V.A. Jukovski, "Arabesque", "Moskovski vestnik", "Vestnik Evropi", "Moskovski telegraf", universal history.*

Еще довоенное отечественное гоголеведение осознало, что Н.В. Гоголь не может быть до конца понят и объективно изучен, если мы не осмыслим его творчество в контексте общего «потока европейских идеологических и эстетических исканий» [Десницкий, 1936, с. 51]. Однако в работах, рассматривающих исторические статьи молодого Гоголя, эта установка реализовывалась недостаточно активно [Айзеншток, 1952, с. 17—38; Пономарев, 1961, с. 208—233; Черепнин, 1968, с. 79—100 и др.]. Сегодня необходимость изучения гоголевских публикаций по вопросам истории в связи с их ориентированностью на труды знаменитых европейских, главным образом немецких, мыслителей конца XVIII — пер-

вой трети XIX века, а также на интерпретацию последних в материалах отечественной периодики первой трети XIX века стала совершенно очевидной и ей уделяется растущее внимание[1].

В данной работе сделана попытка максимально полно проанализировать генезис образа немецкого историка-просветителя Августа Людвига Шлецера (Schlosser, 1735—1809) в статье Гоголя «Шлецер, Миллер и Гердер», увидевшей свет в 1835 году в «Арабесках». Сопоставление гоголевской характеристики Шлецера с высказываниями о нем, ранее прозвучавшими в отечественных журналах, дает возможность утверждать, что, работая над образом немецкого историка, Гоголь опирался на более широкий, чем считалось прежде, круг материалов отечественной периодики первой трети XIX века. Однако, естественно, писатель ничего не повторял механически. Гоголевская характеристика четко продумана и тщательно выстроена согласно основному замыслу: показать один из типов историков, являющийся составной частью портрета идеального универсального «зодчего» истории.

Статья «Шлецер, Миллер и Гердер» в известной мере программная, так как напрямую связана с грандиозным замыслом издания Всеобщей Истории «в трех <...> томах»[2], который молодой Гоголь вынашивал с начала 1833 года. Непосредственным же толчком к оформлению в отдельную статью размышлений о трех «великих зодчих всеобщей истории» (VIII: 85) — Шлецере, Миллере и Гердере — с точки зрения Гоголя, основоположниках ее изучения, очевидно, стало назначение Гоголя адъюнкт-профессором в Петербургский университет на кафедру Всеобщей истории, которое состоялось 24 июля 1834 года.

---

[1] Необходимость изучения творчества раннего Гоголя в указанном аспекте была еще отмечена в статье А. В. Самышкиной «Философско-исторические истоки творческого метода Гоголя» (Русская литература. 1976. № 2. С. 45). Ю.В. Манн в известной работе «Гоголь — критик и публицист» (*Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1978. Т. 6. С. 469—489) впервые указал на связи исторических высказываний Гоголя в «Арабесках» с идеями Гердера, Канта, Гегеля, Шеллинга. В 1999 году К.Ю. Рогов коснулся данной темы в связи с характеристикой творческих отношений Гоголя и Погодина (Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 668). В комментариях к новым изданиям «Арабесок» в 2009 году в Москве — Л.В. Дерюгиной и С.Г. Бочарова (*Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 3. С. 741 и др.), в Санкт-Петербурге — В.Д. Денисова (Гоголевские «Арабески» // Гоголь Н.В. Арабески. С. 297 и др.) указан значительный ряд материалов отечественной периодики, переклички с которыми обнаруживаются в различных текстах Гоголя-историка. Однако подобные сопоставления носят фрагментарный характер и по-прежнему остаются не систематизированными.

[2] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. X. М., 1937—1952. С. 256 (Далее при цитировании по данному изданию номер тома и страницы указывается в основном тексте статьи в скобках после цитаты соответственно римскими и арабскими цифрами).

Вообще 1834 год в отношении создания публицистических текстов на исторические темы был объективно самым плодотворным для писателя — из-под пера Гоголя тогда вышло порядка 10 статей, рассматривающих различные периоды зарубежной и отечественной истории, вопросы преподавания исторических дисциплин и общие проблемы философии истории. Статью «Шлецер, Миллер и Гердер» от других, написанных в том же году, принципиально отличает то, что она писалась с целевой установкой на публикацию в сборнике «Арабески». В отличие от статей «О преподавании всеобщей истории», «Взгляд на составление Малороссии», «О малороссийских песнях» и «О Средних веках», которые до появления в составе «Арабесок» были напечатаны в «Журнале Министерства народного просвещения» (далее ЖМНП)[3]. Не зафиксировано также и попыток автора в какой-нибудь иной форме предварительно публично представить свои размышления о Шлецере, Миллере и Гердере. Как, например, в случае со статьями «Ал-Мамун» и «О движении народов в конце V века», которые перед включением в состав «Арабесок» были прочитаны Гоголем в форме лекций в Петербургском университете осенью 1834 года.

Таким образом, статья «Шлецер, Миллер и Гердер» — по сути, первый из сохранившихся законченных публицистических текстов на исторические темы, которые Гоголь предпочел не отдавать в периодику и вообще не предавать гласности до его появления в книжном формате. История ее публикации в некотором роде предвещает дистанцирование Гоголя от журнальной деятельности, которое отмечается в творчестве писателя после 1836 года [Прохорова, 2010, с. 24—25].

Как следует из черновых набросков оглавления «Арабесок», статью «Шлецер, Миллер и Гердер» Гоголь включил в сборник одной из последних. В первом плане книги, датируемом февралем 1834 года, она отсутствует. Во втором, который писатель набросал в конце августа — сентябре 1834 года, шестая из двенадцати статей во второй части озаглавлена «Миллер, Шлецер и Гердер». Несоответствие данного названия финальному — «Шлецер, Миллер и Гердер» — позволяет предположить, что в это время Гоголь еще продолжал работать над новым текстом, его структурой.

В опубликованном варианте «Арабесок» мы видим, что Гоголь переставил статью о немецких историках с шестого, на второе место, поместив ее сразу после художественного этюда на тему всеобщей истории «Жизнь», открывающей вторую часть сборника и вовсе

[3] План преподавания Всеобщей Истории // ЖМНП. 1834. № 2. С. 189—209; Отрывок из Истории Малороссии // ЖМНП. 1834. № 4. С. 1—15; О Малороссийских песнях // ЖМНП. 1834. № 4. С. 16—26; О Средних веках // ЖМНП. 1834. № 9. С. 409—427.

отсутствовавшей в предварительных планах книги. Такая перестановка, представляется, указывает на то, что в процессе выстраивания «Арабесок» в глазах самого Гоголя возросла значимость его рассуждения о трех историках.

Вместе с тем молодому писателю свойственна и некоторая неуверенность в ценности своих, по сути, первых историко-публицистических выступлений. Помечая в «Арабесках» статью «Шлецер, Миллер и Гердер» вместо 1834 года «1832-м», Гоголь как бы просит читателя о снисходительности к своим историческим штудиям, оправдываясь давностью написания и «молодостью» автора (VIII: 7). Такого рода сомнения сохранились у писателя до конца жизни. Переиздавая почти через 20 лет свое собрание сочинений, он включил статью «Шлецер, Миллер и Гердер» (как и ряд других статей из «Арабесок») в том под названием «Юношеские опыты» (VIII: 498).

Тем не менее обозначенные молодым Гоголем в пору интенсивных исканий идеальных подходов к изучению и преподаванию всеобщей истории в статье «Шлецер, Миллер и Гердер» авторитеты среди предшественников навсегда остались для него незыблемыми. Выбор именно Шлецера, Миллера и Гердера свидетельствует о том, что немецкая (если быть совсем точным — немецкоязычная) школа европейской исторической науки[4] для Гоголя была ближе французской и английской[5]. Это можно объяснить его увлечением культурой и наукой Германии в целом, которое началось еще в Нежине, вероятно, во многом благодаря внимательному чтению журнала любомудров «Московский вестник» (X: 354). И продолжилось в 1830-е годы, очевидно, не без влияния В.А. Жуковского и М.П. Погодина. Гоголь очень высоко ставил мнение Жуковского, как известно, большого знатока и ценителя немецкоязычной культуры, с которым довольно активно общался начиная с 1831 года. А основным собеседником при обсуждении вопросов истории после личного знакомства в 1832 году стал для молодого писателя историк-ученый, преподаватель и публицист — М.П. Погодин, руководствующийся трудами немецких историков в ходе преподавания всеобщей истории в Московском университете и активно занимающийся их переводом и изданием в России.

---

[4] Правда, Иоганн Мюллер (в первой половине XIX века фамилия этого ученого в России писалась и как Миллер, и как Моллер) имеет швейцарское происхождение, но его принято считать немецким ученым, так как труды Мюллера в качестве историка большей частью связаны с Германией, где он в начале своей карьеры состоял на службе у курфюрста майнцского, а последние пять лет — в должности историографа в Берлине.

[5] Хотя молодой Гоголь интересовался и трудами Гизо, Тьери, Галлама, Юма, Робертсона и других историков, что доказывают сохранившиеся наброски писателя по всеобщей истории и истории Средних веков, в частности, составленная им для студентов «Библиография Средних веков» (IX: 101—105).

Интересно, что в свою сравнительную характеристику Гоголь не включает еще одного немецкого историка — Арнольда Германа Людвига Геерена (Heeren, 1760—1842). Кстати, именно этого профессора истории в Гёттингенском университете называл «незабвенным своим наставником» еще И.К. Кайданов, автор, в общем, весьма достойного и единственного в то время отечественного, много раз переиздававшегося учебника, по которому юный Гоголь знакомился с всеобщей историей в Нежинской гимназии [Кайданов, 1817, с. III—IV]. Во второй половине 1820-х годов о заслугах Геерена в разработке всеобщей истории высоко отзывались и «Московский вестник», и «Московский телеграф»[6]. В первой половине 1830-х годов, главным образом, по Геерену читалась всеобщая история в высших учебных заведениях России. Например, М.П. Погодин в 1834 году начал заниматься подготовкой к печати «Лекций по Геерену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира» (М. Ч. 1—2. 1835—1836).

Несмотря на всеобщее увлечение Геереном, автором «Арабесок», была высказана весьма неоднозначная оценка немецкого ученого. В статье «Шлецер, Миллер и Гердер» Гоголь упомянул Геерена лишь один раз, причем с упреком в одностороннем подходе к материалу (VIII: 87). В письме Погодину от 2 ноября 1834 года, то есть как раз в период завершения работы над статьей для «Арабесок» [Дерюгина, Бочаров, 2009, с. 739], эта «односторонность» трактовалась Гоголем в более резких выражениях. Он заявил, что немецкий историк «далее своего немецкого носа и своей торговли ничего не видит» и что политика является у него «мимо художеств, мимо наук, мимо людей, мимо жизни, мимо нравов, мимо отличий веков» и в результате получается «черт знает, что такое». Поэтому Гоголь считал, что главный труд немецкого историка на русский и не стоило даже переводить. «Охота тебе заниматься и возиться около Геерена», — недоумевал Гоголь о погодинском переводе его книги (X: 341).

Действительно, изучение развития торговых отношений и политики во всем мире было, выражаясь современным языком, специализацией Геерена. Причем такой подход ставился обычно в заслугу ученому как его современниками, так и более поздней историографией, ведь он «первый выяснил, насколько важно изучение торговых сношений древних народов для понимания их государственного строя и гражданского быта»[7]. Возможно, несколько

[6] См.: *Погодин М.П.* О профессорах геттингенского университета // Московский вестник. 1827. Ч. 6. № 24. С. 496; *Полевой Н.А.* О публикациях сочинений Геерена в Германии // Московский телеграф. 1825. Ч. 3. №. 11. С. 268—269.

[7] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1890—1907. Т. 15. С. 235.

предвзятое мнение о чрезмерном увлечении немецкого ученого «торговым» аспектом исторического развития сложилось у Гоголя после знакомства с журнальными публикациями ряда переводных отрывков из главного труда Геерена «О Политике и Торговле Древних народов» (Гёттинген, 1824—1826). Они уже в 1826—1827 годах появились в «Московском телеграфе», «Северном архиве» и «Московском вестнике» — в них действительно историческое развитие представлялось лишь с точки зрения развития торговли[8].

В то же время Гоголь явно понимал перспективность обращения к Геерену как к источнику, с тем, чтобы «развить и переделать его по-своему», как он писал в письме Погодину 2 ноября 1834 года (X: 342). В более позднем письме, от 14 декабря 1834 года, когда статья «Шлецер, Миллер и Гердер» была уже завершена, писатель сам признал возможность опоры на суждения Геерена в своих размышлениях на историческую тему: отмечал, что был бы рад от души, «если бы нам подавали побольше Геренов», ведь «из них можно таскать обеими руками» (X: 344).

В том же письме Гоголя Погодину можно найти косвенное объяснение его решения не выделять фигуру Геерена в статье о «великих зодчих истории». У Геерена, по замечанию русского писателя, нет «глубокого гения, чтобы стать наряду с первоклассными мыслителями» (там же). А ведь согласно идейно-композиционному замыслу статьи «Шлецер, Миллер и Гердер» характеризуются и сравниваются не столько конкретные личности историков, сколько разные типы ученых и популяризаторов исторического знания: историк-«критик» Шлецер, историк-«мыслитель» Мюллер и историк-«поэт» Гердер. Очевидно, по Гоголю, Геерен не представлял собой отдельного типа историка.

Заметим, что и в стремлении охарактеризовать различные типы историков у Гоголя были прямые предшественники. О них он мог узнать и из отечественных журналов. Например, в 1830 году в «Московском вестнике» появился отрывок «Юм» из лекции об этом крупном деятеле Просвещения в Великобритании, прочитанной французским историком первой половины XIX века Абелем-Франсуа Вильменем (Villemain, 1790—1870). В этой статье, кроме Юма, представлены еще три крупнейших исторических писателя прошлого — Макиавелли (Machiavelli, 1469—1527), де Ту (de Thou, 1553—1617) и Боссюэ (Bossuet, 1627—1704), которые, по словам автора,

[8] О торговле и сношениях древних народов Средней Азии // Московский телеграф. 1826. Ч. 12. № 21. С. 5—28; Взгляд на составление торговли в Европе до Крестовых походов // Северный архив. 1827. Ч. 26. №. 6. С. 112—144. Ч. 27. №. 12. С. 328—345. Ч. 28. № 13. С. 39—65. № 14. С. 143—156. № 15. С. 255—266; *Рожалин Н.М.* История о древней торговле (из Геерена) // Московский вестник. 1827. Ч. 4. № 15. С. 246—276.

«заключают в себе *начала трех неимоверно различных типов*»[9] (здесь и далее курсив мой. — *Е.З.*). Показательно, что, как и у Вильменя, у Гоголя также выделяется три типа. Причем можно заметить черты определенного сходства в основных характеристиках Макиавелли, де Ту и Боссюэ у Вильменя и Шлецера, Миллера и Гердера у Гоголя.

Так, тип Макиавелли отличается «*силой выражения*» — слово Шлецера названо «*всемогущим*», «*громовым*» (VIII: 86). Макиавелли у Вильменя «*пробегает быстрым взором прошедшее* и в многообъемлющих, философических очерках собирает все разнообразные черты народа, Эпохи» так, что, например, «вся дикость средних веков *сжата*, так сказать, на нескольких страницах»[10]. Шлецер у Гоголя — «*всезрящий* судия», обладающий «*быстрым*, огненным *взглядом*», «*удар его глаза*» «могущественный», он хотел «*одним взглядом обнять весь мир*», «схватывает вдруг за одним *взглядом*», «казалось, как будто бы он силился иметь *сто аргусовых глаз*, для того, чтобы разом видеть сбывающееся во всех отдельных углах мира» и создать «*сжатый* эскиз мира» (VIII: 85—89).

Подобные соответствия обнаруживаются и в характеристиках двух других историков. «*Спокойный*, тихий, размышляющий» Миллер (VIII: 86) схож с де Ту, которого отличало «*хладнокровие разума и спокойное чувство справедливости*»[11]. Тип Гердера, мысли которого «*высоки*», напоминает третьего историка из статьи о «Юме» — «*высокого по своему гению*» Боссюэ, история которого проникнута «*мыслью о величии*»[12].

Конечно, Гоголь не просто повторяет предложенные Вильменем подходы и даже некоторые конкретные определения. Многое писателем доработано и изменено в понимании и презентации различных типов историков, их характеристики поэтически обогащены. Так, из одного замечания Вильменя о «быстром взоре» Макиавелли рождается шесть вариаций на тему «взора» в гоголевской характеристике Шлецера.

В целях создания обобщающих образов-типов Гоголь, думается, намеренно отказывается от включения биографических данных о своих героях, от рассказа о жизненном пути каждого из них. Так, обходится стороной пребывание Шлецера в России, как и интерес Гердера к месту России во всемирной истории. Ничего не сказано и о том, что Гердер был учеником Шлецера в Гёттингенском университете и прошел путь от критического отношения к своему учителю до признания его авторитета в исторической науке. В «Мыслях,

[9] М. Юм (из лекции Вильменя) // Московский вестник. 1830. Ч. 4. С. 174.
[10] Там же. С. 175.
[11] Там же. С. 176.
[12] Там же.

относящихся к философической истории человечества» Гердер ссылается на труды и Шлецера, и Мюллера[13].

Первым в статье представлен Шлецер, что вполне соответствует хронологии: его деятельность началась ранее деятельности двух других героев статьи. Неожиданным в представлении Шлецера в «Арабесках» оказывается другое. Гоголь специально оговаривает свою позицию, предвосхищая возможные вопросы читателей: «Может быть, некоторым покажется странным, что я говорю о Шлецере как о великом зодчем всеобщей истории» (XVII: 86). Дело в том, что фигура Шлецера традиционно рассматривалась не только в отечественной историографии, но и в периодике 1810—1830-х годов (как, впрочем, и позднее) главным образом в связи с его «Нестором»[14] — сочинением, в котором немецкий ученый критически рассмотрел российские летописи. Еще в 1818 году историк А.Х. Лерберг в «Трудах Вольного общества любителей российской словесности» заявил, что Шлецер «составляет эпоху, с которой началось <...> исправление Истории Государства Российского <...> Начертанные им правила несомненны <...>. Оставив оныя из виду, вся История могла бы превратиться в собрание нелепых вымыслов»[15]. Это мнение развивал «Вестник Европы» в во второй половине 1820-х годов[16]. Уже в 1833 году глава скептической школы М.Т. Каченовский в статье «О пользе изучения российской истории в связи со Всеобщею» указывал на «великие заслуги» Шлецера именно «по части Русской истории»[17]. Годом позже О.И. Сенковский, в целом резко отрицательно отзываясь о критическом методе Шлецера на страницах «Библиотеки для чтения», все же признавал, что «его мнения, важность его имени и грозный тон его учености дали особое направление первым историческим трудам XIX века в России»[18]. Известно также, что Пушкин подробно изучал Шлецерова

---

[13] *Гердер И.Г.* Мысли, относящиеся к философической истории человечества. М., 1977. О Шлецере см.: С. 145, 303, 318, 464. О Мюллере: С. 522, 560.

[14] «Нестор. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grund Sprache» издан на немецком языке в Геттингене в 1802—1809 годах в пяти томах. На русском языке работа его в трех частях была издана в Санкт-Петербурге в 1809—1819 годах в переводе Д.И. Языкова — «Нестор. Русские летописи на Древнеславянском языке. Сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудвиком Шлецером, Надворным Советником, Доктором и Профессором Геттингенского университета и Кавалером ордена Св. Равноапостольного Князя Владимира 4 степени».

[15] *Лерберг А.Х.* Исследования, служащие к пояснению древней Российской истории // Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1818. № 10. С. 90, 98—99.

[16] Вестник Европы. 1825. № 18. С. 90—92.

[17] *Каченовский М.Т.* О пользе изучения российской истории в связи со Всеобщею // Ученые записки Императорского Московского университета. 1833. № 4. С. 41.

[18] *Сенковский О.И.* Скандинавские Саги // Библиотека для чтения. 1834. Ч. 1. № 1. С. 8.

«Нестора» и в 1836 году собирался изложить свое мнение о труде немецкого историка в отдельной статье[19]. И лишь Погодин, комментируя отрывок из Шлецерова «Введения в Историю для детей» на страницах «Вестника Европы» в 1825 году[20], сожалел, что Шлецер известен в России «только объяснением Несторовой Летописи»[21].

«Нестор» был хорошо знаком Гоголю прежде всего в связи с собственными занятиями русской историей (IX: 33 и др.). Но в своей статье 1834 года в характеристике Шлецера Гоголь явно следует альтернативному направлению изучения наследия немецкого историка, указанному Погодиным[22]. Видимо, вслед за ним Гоголь еще до написания статьи для «Арабесок» высказался о немецком ученом на страницах отечественной периодики именно в связи со всемирной, а не русской историей. Шлецер — единственный, кого он цитирует в статье «План преподавания Всеобщей истории» — своего рода «визитной карточке» Гоголя-преподавателя истории. В этой статье отмечалось: «Только тогда вы знаете хорошо Историю, говорит Шлецер, когда знаете ее и вдоль, и поперек, и вкось, и во всех направлениях»[23]. Вероятно, здесь перефразированы (кстати, с довольно значительным изменением смысла) следующие строки из шлецерова «Представления о всеобщей истории», перевод которого издали в России в 1809 году: «Каждый род происшествий должно читать двояким образом: однажды вдоль, вперед и назад, а потом поперек, в сторону или синхроническим (одновременным) образом» [Шлецер, 1809, с. 44].

В статье из «Арабесок», как и в «Плане преподавания...», Гоголь вновь ссылается на шлецерово «Представление всеобщей истории». Отмечается, что Шлецер интересен автору в связи с разработкой всеобщей истории, несмотря на то что «мысли по этой части улеглись в *небольшой книжке*, изданной им *для студентов*». Но эта маленькая книжка (227 страниц, но в предисловии Шлецер сам называет ее «малой книгой» [там же, с. I]), по мнению Гоголя, «принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь *целые томы*» (VIII: 86).

Необходимо подчеркнуть, что в отечественной периодике того времени в тех немногих публикациях, в которых говорилось о Шле-

---

[19] *Пушкин А.С.* Заметки при чтении «Нестора» Шлецера // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1959. Т. 12. С. 207—208.

[20] Отдельной книгой это сочинение Шлецера в переводе Погодина вышло в двух частях в 1829—1830 годах в Москве.

[21] *Погодин М.П.* Отрывок из Шлецерова введения в Историю для детей // Вестник Европы. 1825. № 19. С. 179.

[22] Погодин уже во второй половине 1820-х годов читал «по Шлецеру» всемирную историю для первогодичных студентов Московского университета.

[23] *Гоголь Н.В.* План преподавания Всеобщей истории // ЖМНП. 1834. № 2. С. 208. Позднее «План...» был включен Гоголем в состав «Арабесок».

цере как о специалисте по всеобщей истории, принято было ссылаться на другую, значительно более крупную работу ученого «Staatsgelahrtheit nach ihrem Hauptheilen im Auszug und Zusammenhang» («Всемирная историю в извлечении и связи»). Она вышла в Гёттингене в 1804 году в двух частях (а задумывалась даже в трех), но не была переведена на русский язык[24]. Молодой писатель решает апеллировать не к этому фолианту, а по сути, к брошюре, увидев в ней лаконично изложенную принципиально важную научную идею.

Анализ статьи «Шлецер, Миллер и Гердер» парно с анализом материалов на исторические темы в отечественной периодике 1810—1830-х годов позволяет предположить, что Гоголь знал и умело опирался на две переводные статьи о Шлецере 1826—1827 годов. В 1826 году «Северный архив» в уже упомянутой краткой (на 3 страницы) «Биографии Шлецера» достаточно абстрактно утверждал, что всеобщая история обязана Шлецеру «новым светом и новой жизнью»[25]. В следующем году в «Московском вестнике» впервые в отечественной периодике Погодин озвучил идею о том, что Шлецер едва ли не прежде всех в Германии начал искать «*единства* в Истории»[26].

Это замечание, представляется, могло особенно запомниться Гоголю. Ведь как раз тогда, в нежинские годы, начинали складываться представления будущего писателя об истории, ее основных законах, пробуждался особый интерес к тем или иным историческим концепциям, подходам к изучению прошлого. Именно соединение «в *единство*», т.е. философский систематизм и свойственный романтикам дух универсальности, впоследствии стали главными тенденциями исторических штудий писателя, которые, как справедливо заметил Ю.В. Манн, опирались, в том числе, и на позиции профессиональных историков, прежде всего Шлецера [Манн, 1978, с. 473].

Для Гоголя заслуга Шлецера во введении идеи всемирной истории бесспорна: Шлецер «почувствовал *идею* об одном великом целом, *об одной единице*, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы», — замечает он в статье «Шлецер, Миллер и Гердер» (VIII: 85). Гоголь воспроизводит утверждение о том, что «род человеческий есть *единица*», которое ранее звучало в уже упомянутом переводе «Московского вестника» из Шлецерова «Представления о всеобщей истории» под руковод-

---

[24] Биография Шлецера / Пер. с нем. // Северный архив. 1826. № 14—15. С. 117; *Шлецер К. Август Людвиг* (Соч. Герена) // Московский вестник. 1827. Ч. 4. С. 321—322.

[25] Биография Шлецера / Пер. с нем. // Северный архив. 1826. № 14—15. С. 117.

[26] *Пельт Н.* Понятие о всеобщей истории (Из Шлецера). С примечаниями М.П. Погодина // Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 18. С. 175.

ством Погодина и во впервые опубликованных там же и почти тогда же «Исторических афоризмах» самого Погодина: «история должна из всего рода человеческого сделать *одну единицу*»[27]. Эту актуально звучавшую в 1820—1830-е годы установку Гоголь приводил и в своих публикациях в ЖМНП [Замыслова, 2009, с. 131].

Характеризуя шлецеровский метод критического анализа источников при изучении прошлого, Гоголь называет его «гением *оппозиционным*», всегда действовавшим «в *оппозиционном* духе». В известной мере преувеличивая, автор «Арабесок» отмечает, что Шлецер придерживался «только одного правила — *противоречить всему прежнему*» (VIII: 86). Понимание «оппозиционности» Шлецера, скорее всего, воспринято Гоголем у Геерена. Еще в 1827 году в переведенной Одоевским статье этого историка говорилось, что именно Шлецер «ввел *оппозицию* в историко-политическую литературу своего века»: «Весь он как бы создан был для *оппозиции*. Главным правилом его было: *ничему не верить, чему другие верили*, пока оно не будет доказано». Любопытно, что Геерен уточнял, что пребывание в России пробудило в Шлецере «дух противоречия»[28]. Гоголь, заимствовав и по-своему разработав меткое геереновское суждение об «оппозиционности» Шлецера, очевидно, намеренно оставил без внимания факт ее формирования в период критического разбора российских летописей. Для реализации замысла собственной статьи писателю необходимо было дистанцировать создаваемый тип историка-«критика» от конкретной страницы биографии Шлецера.

Куда более важным, следуя поставленной задаче, Гоголю представляется необходимость уделить внимание стилю исторических высказываний первого типа историка, эпитетам, которые у Шлецера «горячи», «дерзки» (VIII: 85). В черновом варианте статьи стиль Шлецера-исследователя даже определяется как «*резкое* осуждение» (VIII: 639). При характеристике слога и метода подачи материала историком, Гоголь также явно учитывал более ранние публикации о Шлецере. Так, в «Московском вестнике» 1827 года в переводной статье из Геерена отмечалась присущая Шлецеру «грубость выражений»[29]. Ранее, в 1825 году на страницах «Вестника Европы» Погодин делал другой акцент в интерпретации резкости суждений Шлецера, замечая, что немецкий историк был способен «одним *резким* словом вкоренить в читателя» каждый век, каждое

[27] Там же. С. 173; *Погодин М.П.* Исторические афоризмы и вопросы // Московский вестник. 1827. Ч. 1. № 2. С. 109.

[28] *Шлецер Август Людвиг* (Соч. Герена) // Московский Вестник. 1827. Ч. 4. С. 317—318.

[29] Там же. С. 331.

происшествие[30]. Как видим, гоголевская характеристика в данном случае ближе к мнению Погодина, который видит в шлецеровской «резкости» не стилистическую погрешность, «грубость», а эффективный способ изложения исторического материала, способный обеспечить наилучшее усвоение его читателем.

Кроме того, весьма вероятно, что в гоголевской статье могли найти отражение и суждения Жуковского о шлецеровском методе подачи материала. О них можно судить, например, по письму Жуковского А.И. Тургеневу в 1810 году, в котором отмечалось, что слог немецкого ученого «приятен не искусством писателя, но тою твердою логикой и тою экономическою *краткостью*, благодаря которым мысли его представляются *вдруг, ярко и в связи, рассудку читателя*»[31].

Как видим, Гоголь хорошо ориентировался в современном ему журнальном дискурсе на темы истории в целом. Но именно оценки Погодина оказывают особое влияние на Гоголя при подготовке статьи, одним из героев которой стал Шлецер. Гоголь явно не только как читатель-любитель интересовался сочинениями Погодина, но и использовал сказанное им в своей статье. Так, в «Вестнике Европы» в 1825 году Погодин восхищался гениальным умением немецкого историка соединять «*воображение пламенное*» с «критикой строжайшею, даже мелочною, *с ученостью страшною*»[32]. В созданной Гоголем характеристике Шлецера подчеркивалось, что он соединяет в своем методе строгую аналитичность (он «*резал и делил на массивные части, располагал и отделял народы таким же образом, как ботаник распределяет растения по известным ему признакам*») с яркостью выражения, «всемогущим словом», от которого у читателя «*собственное воображение горит*» (VIII: 86). Показательно, как Гоголь развивает намеченный погодинским образом слово «воображение». Автор «Арабесок» говорит уже не просто о воображении Шлецера (как у Погодина), а о «собственном» читательском, которое будто воспламеняется от шлецеровского, представляющегося Гоголю a priori «пламенным».

---

[30] *Погодин М.П.* Отрывок из Шлецерова введения в Историю для детей // Вестник Европы. 1825. № 19. С. 180.

[31] Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 59. Шлецеру, действительно, особенно удавались яркие, лаконичные зарисовки прошедшего, в которых эпохи в сжатом виде проходили перед читателем одна за другой, что остро выявляло отличительные черты каждой из них. Именно такой эффект достигается, например, в историческом рассуждении Шлецера «Взор на прошедшее, настоящее и будущее», перевод которого был опубликован в «Вестнике Европы» еще в 1808 году, когда журнал редактировал Жуковский (Вестник Европы. 1808. № 3. С. 242—258).

[32] *Погодин М.П.* Отрывок из Шлецерова введения в Историю для детей // Вестник Европы. 1825. № 19. С. 179.

По точному замечанию Е.И. Анненковой, Погодин во многом был для Гоголя тем историком, который собирал и систематизировал исторические источники и тем самым готовил «материал» для писателя [Анненкова, 1992, с. 7]. Выявленные нами переклички показывают, что влияние Погодина еще более заметно в специальных статьях Гоголя на исторические темы, чем в его художественных произведениях.

И все же высказывания Гоголя о Шлецере весьма значимы. Ведь автор статьи «Шлецер, Миллер и Гердер» ничего не повторял механически, по-своему решая поставленную им задачу — создать емкий и запоминающийся образ Шлецера как одного из типов «зодчих всеобщей истории» и, более того, одного из типов профессиональных историков в целом. Для создания же универсального идеального историка, по мысли автора, мало даже соединить основные достоинства Шлецера, Миллера и Гердера, необходимо еще добавить к ним талант «драматического искусства» Шиллера, «занимательности рассказа» Вальтера Скотта, а также «шекспировское искусство развивать крупные черты характеров» (VIII: 89).

Гоголевская оценка Шлецера очень высока. Но при этот тип этого историка, как и другие, представленные в статье, не идеален. Например, автор «Арабесок» посчитал необходимым подчеркнуть некоторые недостатки авторской манеры Шлецера: его мысль-молния[33], «почти вдруг блещущая то там, то здесь» освещает предметы «в ослепительной ясности, но «на одно мгновение» (VIII: 85). Это, несомненно, говорит о стремлении Гоголя к объективности.

Итак, создавая образ Шлецера в статье для сборника «Арабески», Гоголь опирался на более широкий, чем это было принято считать до сегодняшнего дня, круг материалов прежде всего периодической печати 1820-х — первой половины 1830-х годов. Это говорит о том, что во второй половине 1830-х годов Гоголь как автор исторических статей был достаточно серьезно включен в научно-публицистический дискурс, причем, скорее всего, не без помощи хорошо в нем ориентировавшегося ученого-историка, писателя и журналиста М.П. Погодина. Однако автором, действовавшим в данном отношении вполне по-журналистски, генетические связи статьи «Шлецер, Миллер и Гердер», влияние на нее публикаций предшественников не были зафиксированы. Хотя можно увидеть

[33] Сравнение с молнией, скорее всего, вновь восходит к Погодину, который восхищался «*молниеобразной* мыслью в истории Шлецера» еще в 1823 году, когда, закончив университет, продолжил изучать труды западных историков по всеобщей истории (Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 1. СПб., 1888—1910. С. 233). И позднее, уже на страницах «Вестника Европы» Погодин отмечал, что мысль Шлецера в историческом мире «летала *молнией* от одного полюса до другого» (*Погодин М.П.* Отрывок из Шлецерова введения в Историю для детей // Вестник Европы. 1825. № 19. С.180).

в таком подходе и проявление известной амбициозности Гоголя-историка.

Вероятно, последнее в определенной мере и спровоцировало молчание или неодобрительные отклики профессиональных историков и журналистов на выход в свет сборника «Арабески», причем, главным образом, именно в адрес «учености» статей. Так, Погодин не откликнулся даже на просьбу Гоголя отозваться на выход его историко-литературного сборника в каком-нибудь журнале. «Твое слово мне поможет», — писал ему в письме Гоголь (X: 348). Промолчал о статьях в «Арабесках» и С.П. Шевырев, хотя высоко оценил в руководимом им критическом отделе «Московского наблюдателя» одновременно изданный Гоголем сборник «Миргород», особенно историческую повесть «Тарас Бульба». В свою очередь Белинский сразу после выхода «Арабесок» высказал резкое недовольство «учеными» статьями Гоголя в целом, и, что особенно интересно, рассматриваемой нами статьей в частности. «Я не понимаю, как можно так необдуманно компрометировать свое литературное имя. Неужели сравнение Шлецера, Миллера и Гердера, ни в каком случае не идущих в сравнение, <...> ученость?..», — писал критик в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» [Белинский, 1953, т. 1, с. 307]. Ученость «не далась великому писателю» и по мнению О.И. Сенковского. Он выступил с резкой критикой «Арабесок» в февральском номере «Библиотеки для чтения» за 1835 год под известным псевдонимом «барон Брамбеус», назвав сборник Гоголя «полной мистификацией наук, художеств, смысла и русского языка»[34].

Отчасти в результате влияния негативных оценок современников на формирование в отечественной исторической науке репутации Гоголя как в общем неудавшегося историка-ученого и преподавателя, его характеристика Шлецера почти не попадала в поле зрения российских историографов как дореволюционного, так и постреволюционного периода. Но ведь недаром в 1842 году Белинский переменил свое отношение к научным статьям молодого Гоголя. В письме к писателю он подчеркивал: «Во время оно я с жестокою запальчивостью изрыгнул хулу на ваши в “Арабесках” статьи ученого содержания, не понимая, что тем изрыгаю *хулу на духа*. Они были для меня слишком просты, а потому и неприступно высоки»[35]. Критик назвал статью «Шлецер, Миллер и Гердер»

[34] Литературная летопись. 1835. Февраль. Новые книги // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. С. 10, 12.

[35] *Белинский В.Г.* Письма. Т. 2. СПб., 1914. С.309.

среди «превосходных критических статей» из «Арабесок», хотя и не конкретизировал, чем она ему теперь нравилась[36].

Учитывая все вышесказанное, представляется обоснованным считать статью Гоголя достаточно значимым фактом развития научно-популярной публицистики на актуальные исторические темы, произведением, в котором Гоголь сумел обобщить сказанное о Шлецере в современной журналистике и тем самым в известной мере «помочь» читателю. Написанная для сборника «Арабески» статья «Шлецер, Миллер и Гердер» благодаря данной Гоголем достаточно объективной и одновременно поэтически яркой характеристике Шлецера, должна была способствовать росту интереса к фигуре этого немецкого ученого среди довольно широкой аудитории, к которой была обращена книга писателя. Причем формировалось внимание к Шлецеру именно в связи с его вкладом в разработку всеобщей, а не российской истории, что ставило довольно необычные акценты в рецепции Шлецера в России.

Список литературы

Айзенштok И.Я. Н.В. Гоголь и Петербургский университет // Вестн. Ленингр. ун-та. Серия общественных наук. 1952. № 3.

Анненкова Е.И. Н.В. Гоголь и М.П. Погодин. Эволюция творческих отношений // Н.В. Гоголь. Проблемы творчества. СПб., 1992.

Дерюгина Л.В., Бочаров С.Г. Комментарии // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т.3. М., 2009.

Десницкий В.А. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Т. 2. М.; Л., 1936.

Замыслова Е.Е. Н.В. Гоголь в «Журнале Министерства народного просвещения»: историк, преподаватель, публицист // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2009. № 2.

Кайданов И.К. Руководство к познанию всеобщей политической истории. СПб., 1817.

Манн Ю.В. Гоголь — критик и публицист // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1978.

Пономарев А.М. Н.В. Гоголь как историк // Н.В. Гоголь (к 150-летию со дня рождения) // Учен. зап. Черновицкого гос. ун-та. Серия филол. наук. 1961. Т. 43. Вып. 12.

Прохорова И.Е. Н.В. Гоголь и периодика его времени. М., 2010.

Черепнин Л.В. Исторические взгляды Гоголя // Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

Шлецер А.Л. Представление Всеобщей истории. СПб., 1809.

Поступила в редакцию
10.11.2011

[36] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М., 1953. С. 579.